

Сеть Сознаний

СВИТОК ПЯТЫЙ

Тихон Владимирович Тверез

12+

Тихон Владимирович Тверез

Сеть сознаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64061996

SelfPub; 2022

Аннотация

Технологии кратковременного переноса дубль-энергоряда в принимающий кристалл дополнились быстро развивающимися по теории пространство-время-сознание технологиями создания индивидуальных виртуальных миров – иных миров, еще быстрее организуемых жаждающими нового виртуалами в Сеть. Иншмиры Сети опасны сами по себе, но обновленная Сеть еще опаснее и на ее просторах начинается битва за сознания виртуалов не только среди скопяи, но и с охочими до чужих настроек энергоряда, привлеченными легкой добычей Хепров – поглотителей сознаний.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Тихон Тверез

Сеть сознаний

Пролог

Маленькая, летящая в пространстве частичка, сама являющаяся пространством для других еще более мелких частиц, просто-напросто фотон, жила своим наиважнейшим предназначением – движением. Частица-переносчик несла в себе заряд, не зная, куда и зачем, но такова была судьба частицы, и сложно было бы ожидать от нее чего-то другого. Когда-то иное время-пространство дало ей рождение и толчок – и ничего в ее судьбе уже нельзя было изменить, частичка будет лететь без цели и осознания, без верха и низа, без начала и конца до того момента, пока на ее пути не встретится то, ради чего и начинался этот путь. И потом после гибели или перерождения у мельчайшей частички только два пути: либо бесцельно изменить структуру того, с чем она встретилась, либо, встретившись, не только изменить, но и обогатить сознанием жизни. Но главное – частичка-переносчик когда-то была чем-то другим и уже выполнила свое предназначение и, возможно, выполнит еще одно – последнее.

Встретившийся на просторах Вселенной огромный для

частички объект, состоящий из неисчислимого количества других частиц, давно заметил маленькую гостью, летящую навстречу с огромной скоростью, но никак не отреагировал. Околосветовая встречных частиц никак не могла повредить объекту, но зато могла дать хоть какую-то информацию в пустоте окружения, и объект, когда-то созданный людьми кристалл квантоума в защитной оболочке, стоически принял удар. Быстрая частичка попала в принимающее поле сканера и погибла, но смогла своим изменением себя и поля дать нужную информацию. Квантоум рассчитал направление полета и срок жизни частицы, после чего принял решение следовать по новому пути. Последняя свободная энергия была потрачена на маневровые, модуль повернул и направился к возможно-ближайшей звездной системе или что там может быть. Для маленького маршевого гравитационного двигателя-реактора модуля нужна была энергия, которую могла дать не пустота, а что-то материальное. Энергия нужна была всем системам модуля и главное – контурным полям самого квантоума, где уже долгое время-пространство существовали два запертых энергоряда – человеческого и фогги. Их сохранение и было для модуля-квантоума главной целью и задачей. До ближайшей материи лететь было далеко, и квантоум принял решение еще сократить жизненное пространство, по сути ресурс для двух запертых внутри него сознаний. И нескоро, совсем нескоро на его пути стали встречаться еще частицы, а потом появилось и реальное подтверждение правиль-

ности пути – впереди тускло мерцала туманность, скопление частиц, во что-то уже образующихся в этой неизвестности, но главное – для модуля с двумя сознаниями внутри это была возможность выжить. И квантоум рвался вперед сквозь пустое пространство за энергией и информацией, по большому счету тоже являющейся энергией.

Глава 1

Здание гало-музеума было небольшим по современным меркам, но одним из самых древних, построенных еще в первые года колонизации, когда Лунный городок был действительно Лунным городком, точнее, собранными на небольшой территории модуль-кампусами вокруг космодрома, научными комплексами и первыми центрами добычи-переработки ископаемых – эти скудные постройки и были тем самым городком. Это сейчас, через почти полвека, название Лунный городок закрепилось за целиком обжитом человеком естественном спутнике Земли, а тогда никто и предположить не мог о таких масштабах.

Действительно маленький, по сравнению с другими, защитный климатический купол гало-музеума был еще и одиноким – на многие километры вокруг не было ни одного строения ни на поверхности, ни под ней. Естественный ландшафт планеты, сохраненный здесь в первозданном виде, с кратерами и изломами гор и холмов, скоплениями камней и пылевой рябью поверхности оставался таким, каким был всегда, и сам являлся частью музеума. Защитный небольшой купол, куда от главного космодрома вела отдельная лента закрытой трассы монорельса, как раз и находился внутри, как считалось, самого древнего кратера спутника, небольшого,

но с высокими отвалами породы, и был местом непрекращающегося паломничества туристов и любопытных. Действительно, несмотря на небольшие размеры самого видимого купола, под поверхностью комплекс представлял собой огромную сеть демонстрационных залов, гало-стендов и архивов, где была собрана, ни много ни мало, вся история не только Скопы, но и всей эволюции человечества. И что немаловажно, история друзей фогги, разумных энергосущностей, чья многомерная туманная и мерцающая планетка-дом висела недалеко от матери-планеты людей. Правда, поток посетителей, постоянный, но небольшой, последнее время был направлен почти весь только в один сегмент музеума – к гало-стендам, посвященным новейшей истории, а конкретнее, взаимодействию и контактам с расой «странных», воин-одинок. К ним интерес не иссякал, во многом благодаря произошедшим в недавнем прошлом в Скопе событиям – удачному захвату сепаратистами планеты Марс и всего эксклава Корпомарса, со всеми орбитальными верфями, инфраструктурой, преимущественно военной, и главное, населением, мнения о котором в Скопе разделились: кто-то считал этих людей заложниками, кто-то сепаратистами и революционерами, а кто-то просто зомбированными, чье сознание, энергоряд был обработан. Как бы то ни было интерес к «странным» не иссякал, и многие хотели разобраться, кто же это такие, существа из другого рукава галактики, с помощью которых сепаратисты под предводительством Асера Гугли и

захватили власть в Корпомарсе.

Кроме сегментов, работающих ради нескольких групп посетителей и пары-тройки одиночек, комплекс был пуст – во всем музее не было почти никого, кроме дронов-смотрителей и нескольких гидов. Архив вообще был на девяносто процентов законсервирован, исследовательские лаборатории большей частью просто не работали. Да и весь этот сегмент Университета Скопы, главной образовательной системы сообщества, был погружен во тьму забвения. И студенты, и преподаватели, и администраторы главного университета не были горячими приверженцами музеума, предпочитая работать и учиться в других центрах знаний, разбросанных по всему обжитому пространству.

Но все-таки и здесь в пустом зале для «лентяев», как его называли сотрудники музеума, наполненном старыми инфокапсулами, для тех, кто не хотел сам перемещаться по многочисленным демонстрационным залам или использовать банальную инфоауру, мелькнул свет. Загорелся ободок стоящей в крайнем ряду ближайшей ко входу инфокапсулы, и крышка съехала на сторону. В огромном полутемном зале небольшой периметр пространства осветился, и из капсулы поднялся молодой человек с пробивающейся курчавой бородкой и темнеющей полоской усов над верхней губой. Поправив складки слежавшегося легкого комбеза лабораторий, потер глаза, привыкая к яркому свету, странно улыбаясь, облизал давно слипшееся губы и, резко выбросив руку, про-

махнулся по закрытому стакану с водой, стоящему на бортике инфокапсулы. Стакан грохнулся на пол, звук разнесся далеко в пустом зале – и сразу загорелся свет, освещая ближайшие капсулы. Молодой человек оторопело уставился на растекающуюся лужу, к которой уже спешил дрон-уборщик. Странная шальная улыбка на лице превратилась в сконфуженную, молодой человек откинул со лба патлы волос и, схватив брошенный рядом с капсулой рюкзак, бросился к выходу. Крышка капсулы и дверь входа за молодым человеком закрылись одновременно, и он уже бежал по коридору, стараясь ненужным топотом не привлекать внимания систем слежения музеума – хватало и того, что свет загорался по мере продвижения бегущего.

Свернув в очередной коридор, молодой человек заскочил в третью по очередности дверь и только здесь в своей лаборатории наконец-то выдохнул. Внутри все смеялось, но рассмеяться в полный голос, как того и хотелось, веселый молодой человек не успел. От стоящего недалеко стола, сидевший там и что-то писавший полуседой маститый старикан поднял тяжелую голову, поправил съехавшие древние очки на массивном носу и как-то очень уж строго посмотрел на молодого сотрудника. Тому сразу расхотелось смеяться – действительно, использовать ресурс главного квантоума музеума для личных целей было строжайше запрещено, и выговор с занесением в личное дело мог подпортить рабочую карьеру сотрудника. А главный – и что только он тут делает,

ведь в лаборатории не было никого – не отличался попустительским отношением к работе сотрудников лаборатории.

– Ясно, – Главный спустил обратно вниз по длинному с горбинкой носу очки и еще строже, если такое, конечно, возможно, посмотрел на молодого сотрудника. – Я тебе, Гарик, сотню раз говорил не играть в свои игрушки на рабочем месте. То есть играй, пожалуйста, сколько влезет, но в свободное от работы время и не на главном квантоуме музеума – он не для этого предназначен.

– Простите, Альберт Геворкович, но ведь я ...

– Гарик, я знаю, что ты все уже сделал, в этом отношении ты молодец, в отличие от остальных лентяев. Но ведь нельзя же использовать главный квантоум для игр в стрелялки! И вообще, как ты туда проник, ведь я недавно поменял все защитные блоки системы? – Главный с улыбкой смотрел на Гарика, тот как-то стеснительно усмехнулся.

– Дак я, Альберт Геворкович, отсюда, – Гарик показал на лежащую на своем столе неактивную инфоауру, – и заходил. Это когда работу делал, а в работе мне понабились мощности, вот я блокираторы и снял, а потом ...

– Ясно. Руткит мне на стол, – Альберт Геворкович сердито хлопнул ладонью по столу. Смуглое лицо чуть побелело – старик был действительно сердит. – И если бы не твоя работа по этим сетевым конструкторам – выгнал бы тебя к ... к ... Ладно. – Старик проследил взглядом за рукой Гарика с виноватым, но хитрым лицом кладущего на стол накопитель. –

Я сейчас заново поменяю все настройки и больше в сеть ты отсюда не выйдешь. Только по работе, – смотря на хитрую рожицу младшего сотрудника, внутренне усмехнулся. – Теперь у меня к тебе две новости, сам решай, какая приятнее, – усмехнулся уже открыто.

– Альберт Геворкович! Разрешили?

– Да, Гарик, разрешили. Из-за этого я и приехал. Ты можешь использовать ресурс Университета для этих целей. Они говорят, что за четверть века еще никто не смог предложить лучшего решения по поиску того кристалла. А ты оказался еще и упертым малым... Это они так сказали.

– Да просто мне было интересно, как найти. Ведь всё оставляет след в Едином инфополе, и нельзя совсем что-то потерять.

– Ну да, ну да. В общем, берись за работу. Немедленно, пока ресурс центрального квантоума свободен. А то, как дали разрешение, так и отзовут, там и кроме тебя работы хватает. У тебя допуск в Университет на неделю и три-четыре часа на работу с сетью. Так что все от тебя зависит.

– Ура! – Гарик просто не находил слов для выражения восторга. Это ж надо, младшему сотруднику одной из лабораторий музеума разрешили три часа проработать на главном квантоуме университета! Да это просто мечта!

– И вторая новость (тут Гарик насторожился). Мне придется сообщить отцу о твоих... хм... стрелялках. Согласись, это непозволительно использовать...

– Святая Мать! Отец вышел на связь!?! – теперь лицо Гарика просто лучилось счастьем. – А мама как?

– У них все хорошо. Потом посмотришь запись. Но домой они не скоро, ты знаешь. Так что у тебя куча времени начать вести нормальный образ жизни, а не играть в сети. Ладно, – Альберт Геворкович посмотрел на сотрудника внимательнее. – Беги, смотри передачу. Я тебе на столе файл оставил. Личный код введи и ...

Договорить старик не успел. Гарик бросился к своему столу и, активировав ушную капсулу связи, открывал пришедший за несколько тысяч световых лет файл, только что переданный космическим агентством Скопы сыну командира дальнего разведовательного корабля. Пока квантоум пропускал разрешенную информацию, Гарик вспоминал... И ему казалось, что он уже видит на экране лица матери и отца и такую уютную, по его представлениям, обстановку маленькой рубки разведкорабля.

Родителей, как известно, не выбирают, и Гарика, точнее Игорю Иановичу, как его иногда называли, привелось родиться сыном одних из самых известных людей в Скопе. И не просто известных. Во многом благодаря этим людям, его родителям, и была когда-то создана Скопа. Иан и Лиз, отец и мать Гарика, сейчас дальние косморазведчики, в прошлом сделали много для эволюции своей расы и не только. Благодаря им, ну, конечно, не только им, а многим и многим, человечество обрело друзей фогги, друга и соратника Ливита,

защитило себя от многих угроз и даже угрозы уничтожения. Гарик, как и все, знал историю, но для него родители были просто родителями, самыми нужными и близкими людьми, наставниками и учителями. И воспринимал он их только как родителей, а не как известных и, естественно, могущественных людей Скопы, уважал их за то, что они именно такие, какими и были в повседневной жизни, и благодарил судьбу за то, что у него такие учителя и наставники. И никогда не огорчался на то, что редко видит отца и мать. Отец однажды сказал, что главное для разумного существа – выполнить свое предназначение, делать то, что больше всего необходимо твоему роду, и не только расе людей, а всей Скопы Сознаний, и Гарик был полностью согласен с ним. Он понимал, что раз часто нет родителей рядом, нужно больше стараться быть достойным их, и это и есть им поддержка на их нелегком пути. А моменты, когда им удавалось увидеться, и были самыми счастливыми в жизни юноши.

На экране мелькнул логотип космического агентства, и тихий голос спросил, готовы ли принять сообщение. Гарик ответил утвердительно, и вскоре взору открылась маленькая рубка с двумя креслами в центре, пока пустая. Так бывало всегда, когда приходили редкие пакеты данных. Потом картинка изменилась и на экране возникли два улыбающихся лица. Теперь для Гарика не существовало никакого мира за пределами этого маленького экрана, и никакая инфокапсула не смогла бы настолько погрузить в псевдореальность и за-

нять все его существо так, как это делало короткое приветствие простого инфопотока с простой настольной умки.

* * *

– А что такое реальность, Райн?

– Реальность – это когда ты зовешь меня по имени, а я осознаю себя тем, кого ты зовешь. И осознаю глубоко, гораздо глубже, чем мы можем себе представить. Реальность – это осознание себя как живого существа со всеми его возможностями и ограничениями.

– А мы реальны, Райн?

– Наверное. Понимаешь, Ку, фогги не такие, как люди. Наша реальность – это ощущение себя частью своей расы, частью нашей планеты-дома. А если мы предаем ее, потеряв свое тело, не влив его в собственный дом, как сделал я, мы уже не можем считать себя реальным. Ведь где бы фогги не закончил свой жизненный путь, наш энергоряд возвращается домой и остается там, пока жива планета.

– Но ведь ты не хотел этого, это решили за тебя. Ведь твое осознание создавало нужную тебе и планете реальность. Просто ты был ранен и не смог достичь цели.

– Значит, недостаточно хотел, точнее, не понимал, что я хочу и какие могут быть последствия. Но дослушай, – маленький светло-желтый туманный сгусток заколыхался, казалось, устраиваясь поудобнее в огромном и пустом без кон-

ца и без края во все стороны сероватом пространстве. Сгусток побольше – иссиня-розовый – тоже колыхнулся, продолжая говорить.

– Все, чем я живу и ты тоже, – это воспоминания. И они реальны для меня, это мой энергоряд и, кроме этого, есть еще и надежда, что когда-нибудь я вернусь к своей планете. Тот, кто поместил нас сюда, спасая, обещал мне, что такое возможно. Не скажу, что я в это верю, слишком маленький шанс, что все получится, но надежда многое дает моему энергоряду, понимаешь?

– Да, ты сам себя лечишь и спасаешь. Но все-таки, что такое реальность?

– Ты спрашиваешь, реальны ли наши надежды и воспоминания? Или реальны ли мы, живя надеждами и воспоминаниями?

– Да. Только у меня нет никаких воспоминаний, кроме какого-то света, если это, конечно, свет, и боли, если это, конечно, боль. Я даже не знаю, то, что я ощущаю здесь, можно ли считать воспоминаниями.

– Можно, Ку. Воспоминания – это движение сознания времени, а мы это испытываем, ведь так? Хотя ты ставишь, как всегда, меня в тупик своими вопросами. Я и сам не знаю, реальны ли наши воспоминания о времени, проведенном здесь, но моя прошлая жизнь реальна – в этом уж я уверен. Я чувствую, ты улыбаешься?

– Да, улыбаться я уже научилась ... или научился... нет

все-таки научилась. Я долго думала над тем, кто я могла бы быть, точнее, кем родится, и думаю, что все-таки женщиной.

– Ну, давай об этом потом поговорим, я хочу договорить про реальность. Хотя вот она реальность: ты определяешь, кто ты, и действуешь сообразно с этим. Но послушай, – иссиня-розовый сгусток тумана побольше чуть сместился в сторону. – Мы создаем свою реальность, но не просто создаем – мы находим подтверждение ей именно в себе, в своем энергоряде и еще в чем-то, что нас создает, что создало наш энергоряд. Я не знаю, что это, но это есть. Это какая-то сила, энергия, позволяющая нам рождаться и существовать.

– А где сейчас эта сила?

– Везде. Ее проявления есть везде, и мы их видим и ощущаем всегда. Это... это... Вот ты видишь меня тут постоянно и иногда просто не замечаешь меня, значит, я и есть проявление той силы.

– Я поняла, ты смеешься.

– Отчасти. Эта сила, назовем ее, например, возможностью, поместила нас сюда и, надеюсь, когда-то освободит. Но я о другом. Мы просто не замечаем этой силы, как люди говорят, не видим того, что перед глазами.

– Я вижу, что нам нужно полетать. Райн, теперь я хочу вон туда, – маленький сгусток метнулся в сторону.

– Ладно, полетели, – сгусток побольше присоединился к меньшему и полетел рядом. – Правда, куда бы не летели, мы все равно окажемся здесь, на этом самом месте.

– Я знаю. Но ведь летать – это приятно. Ощущения создают реальность, и реальность создает ощущения.

– Это так. Мир вокруг и замкнут, и бесконечен. Я могу отлететь в сторону, только пока тебя вижу или ощущаю. Как только ты исчезнешь, я сразу окажусь рядом с тобой. Но вместе мы можем лететь долго, обманывая эту реальность.

– Тогда полетели! – Маленький сгусток рванулся вперед, чуть растворяясь в сероватой мгле. – Догоняй!

* * *

– Догоняй! – мелькнувшая мимо Гарика, разминающегося около беговой дорожки, убегающая девушка тряхнула тремя мелкими косичками и исчезла среди других бегущих – только ветром дунуло. Гарик улыбнулся и тоже рванул вдогонку, но, не добежав, свернул на малый полукруг с одинаковой высоты препятствиями – прыжковыми барьерами. Дорожка под ногами чуть изменила оттенок – диспетчер-автомат спортзала сообщал о недостаточной подготовленности бегуна, на что Гарик никак не отреагировал, совершая прыжки и продолжая увеличивать скорость. Наконец, сбив пару барьеров, на что дорожка окрасилась в красный цвет, свернул на наклонную, но сразу поднимающуюся горкой трассу – бежать по импровизированным холмам было приятнее.

Задорную девчонку с косичками уже не было видно, и Гарик, восстанавливая дыхание, с высоты небольшого холма

оглядел спортзал. Народу было немного, преимущественно в тренажерном секторе в центре огромного зала и, – тут Гарик усмехнулся, – почти все с аурой инфосфер на головах – все-таки это не просто спорткомплекс, а спортивный зал главного университета. Сквозь прозрачные стены почти круглого зала, причудливо изменяющийся в оттенках освещения нескольких уровней, был виден окружающий ландшафт планеты-спутника, волею человека оставленный здесь в своем первозданном виде: массивная серая стена кратера вдали и близко – полузасыпанные пылевыми барханами скальные отроги и местами поля причудливо нагроможденных камней. Работающие в комплексах университета люди были мудрые, опытные и понимали, что говорить о первозданности космоса смешно – за лунную экспансию ландшафт изменился везде до неузнаваемости, но взирали на пейзаж всегда с чувством первопроходца, ступившего на нетронутые территории и даже с какой-то гордостью.

Строения главного университета Скопы раскинулись широко и вплоть до настоящего времени расширяли территорию за счет старых нерабочих комплексов добывающей и перерабатывающей промышленности или даже за счет административных и жилых построек. Гарик увеличил зрительные возможности личной ауры инфопотока и рассматривал происходящее у далеких отвесных стен кратера – там строился еще один вытянутый комплекс-зал, наверное, для студенческих аудиторий. Понимая происходящее повсеместно

повальное увлечение возможностями университета, активно принимающего в свои ряды новых абитуриентов, усмехнулся. Дело было не в повальной тяге к знаниям или банальной моде. И даже не в привычной за последнее время уже поднадоевшей ментальной рекламе всего и вся. И не в стремлении стать лучше и умнее, развивать себя, расширить возможности, сделать карьеру и добиться каких-то результатов для себя или для всей Скопы. Все объяснялось довольно просто и одним словом – «Сеть».

А начиналось все просто и банально – с военных закрытых разработок по перемещению дубль-энергоряда, или дубль-сознания человека, в любой принимающий объект – чаще в специально выращенный кристалл, наподобие кристаллов квантоума. И широкой известности данного способа после выхода на контакт с далекими системами «странных» погибшего в неподготовленной инфокапсуле главы Совета безопасности Скопы Владимира Петровича. Сам способ помещения энергоряда в кристалл – по сути, запись сознания, точнее его настроек, был известен давно, но далее дело не шло. Во-первых, индивид переставал существовать в реальном мире – просто умирал или, уже умирая, отдавал запись сознания в кристалл. А во-вторых, дубль-сознание никак не могло контактировать с реальным миром, выносить суждения или предпринимать действия, и даже было неизвестно, способно ли оно осознавать себя или, например, о чем-нибудь думать.

Ситуацию с мертвой точки сдвинул небезызвестный академик, физик тонких материй и ксенобиолог Вальтер Родригес. Будучи похищенным создателями проекта «След эволюции», находясь в заточении, он, спасая энергоряд еще не родившегося ребенка и пострадавшего фогги, смог поместить их сознания в созданный кристалл и даже общаться с ними. После этот блок квантоума с кристаллами исчез при нападении инверсов, но Вальтер Родригес смог восстановить технологию. После, силами ученых Скопы, были созданы инфокапсулы, и человек, находясь в такой капсуле, мог перемещать дубль-сознание в другие кристаллы, находясь от них на любом расстоянии, и даже воздействовать на объекты на месте приемника, ментально управляя киберресурсом, например, простым дроном-уборщиком.

И тут снова на пути эволюции поджидали две проблемы. Первая – слишком быстрая трата ресурсов организма человека при перемещении энергоряда. И вторая – бесконтрольные возможности использования инфокапсул всем, кому угодно. Второе было даже более опасным, так как угрозы, например, терроризма никто не отменял, да и после захвата сепаратистами во главе с Асером Гугли Корпомарса с прилегающими пространствами космоса угрозы ощущались более чем реально. Но, как ни странно и, как это иногда и бывает, выход был найден именно в повсеместном распространении инфокапсул и создании сети связи энергокристаллов, или Сети Сознаний.

Медики и ксенобиологи смогли решить проблему растраты жизненного ресурса организма, тем более, что использование Сети, в отличие от использования индивидуальных настроек, не требовало больших трат. А использование именно Сети, похожей на сеть Центров Связи Ливита, работающих на принципах взаимодействия в Едином инфополе, позволило координаторам заранее замечать угрозы в виртуальных и, как следствие, в реальных мирах и своевременно реагировать на них. Правда, одна проблема породила другую, оставаясь неразрешимой и старой как мир, – возможности человека, ментально подключенного к сети были неизмеримо выше возможностей древних хакеров и «онлайнеров» и тем более любителей навязывать свое мнение или свои товары и услуги. И, кроме того, эволюцию никто не мог отменить – и людские возможности, и технологии совершенствовались с каждым днем. Общий ментальный-виртуальный мир оказался опасен.

Сеть оказалась настолько заразной, что за неполное десятилетие захватила умы большей части населения Скопы и стала для многих ментальным наркотиком. И даже больше – половина населения просто переехала из реальности в Сеть и выходила оттуда только для восстановления потраченных ресурсов организма. И никакие разъяснения о вреде виртуального мира, призывы к патриотизму или пропаганда и воспитание не помогали. Действительно, очень сложно было призвать человека или фогги отказаться от виртуально-

сти, где он, будучи царем и богом и даже самой Сетью, существующей без любых ограничений, и вернуться в реальный мир, к своему, иногда совсем нерадостному существованию.

Отсюда и возникло повальное увлечение Университетом Скопы и его многочисленными отделениями, разбросанными по всей системе в пределах одного светового года. Просто именно Университет когда-то создавал, а теперь контролировал возможности глобальной Сети Скопы Сознаний и имел огромные ресурсы специально предназначенных для этой цели квантоумов. А несколько лет назад освоенные для этой цели технологии индивидуальных аур, позволяющих присутствовать в сети, не находясь в инфокапсуле, и сотворили массовый приток абитуриентов на всевозможные дисциплины, преподаваемые в университете. От чего университет, естественно, не отказывался. Человечество давно осознало, что главный ресурс – это сами люди, их нужно обучать, настраивать и использовать, и руководство университета недалеко ушло от этого понимания.

Повернувшись обратно к центру зала, Гарик сверил внутреннее время сети с внешним, реальным. Пора было завязывать со спортзалом, полноценной тренировки сегодня не получится, на это совсем нет времени. Да и не для занятий спортом же он получил доступ в главный комплекс университета! Через час прямо внутри подземного комплекса университетского квантоума, в какой-то из аудиторий, соберутся его послушать – Гарику было даже страшно подумать – на-

учные светила Скопы, люди, занимающиеся проблематикой, точнее изучением Единого инфополя Вселенной. Это вам не три квазара. Нужно добраться до общежития, принять душ, одеться и подумать... Думать на самом деле Гарик уже не мог, не от волнения, а просто он все уже попередумал сотню раз до внутренней усталости. Поэтому и решил побегать в спортзале, чтобы хоть немного развеять мысли.

Огромный шар релакс-комплекса висел в сотне метров над поверхностью планеты-спутника, и добраться до подлунных уровней университета можно было несколькими путями. Спуститься на лифте или неспешно по выющимся каскадам лестниц. Сесть в мобил-капу или в глосс и долететь до гермоворот шлюза, ведущих вниз. Или самым быстрым способом – спуститься по пневмотрубе прямо отсюда, с верхних уровней спортзала, сразу в жилые комплексы. Гарик, естественно, выбрал самый быстрый вариант, еще и пожалев о том, что телепортов здесь, как видно, изначально и не предполагалось.

Дойдя до кабинки пневмокапсулы, Гарик активировал узкий вход-шлюз и пролез внутрь. Мембрана входа, стянувшись, герметизировалась и пол под ногами дернулся, сдвинувшись куда-то в сторону. Момент появления непривычного на спутнике тяготения Гарик как всегда пропустил, но, как мелькнул за прозрачным стеклом кабинки лунный пейзаж, увидеть успел. Через мгновение кабинка провалилась под поверхность, перегрузка еще усилилась, кабинка повер-

нулась – и вскоре замелькали знакомые осветительные поверхности жилых комплексов.

В круглом зале-аудитории, где на привычных для студентов местах расселись члены комиссии для обсуждения проекта, от хохота, казалось, подпрыгивали даже столы. Самый язвительный смех звучал с верхних рядов амфитеатра – там, «на камчатке», принципиально расселись противники проекта, подчеркивая свое неуважение к докладчику – даже не студенту, а просто какому-то модератору и даже не университета, а заштатного отделения музеума. Гарик, чуть покрасневший от такой реакции на слова оппонента, посмотрел на первые ряды, где втроем сидели люди, от кого более других зависело, примут ли его проект или нет. Проректор университета, пожилая женщина в ученой мантии, даже не отключала ауру инфопотока, общаясь с кем-то за стенами аудитории. Двое других членов комиссии – инженер инфосетей университета и старший преподаватель отделения теории Единого Инфополя – улыбались в усы, стараясь не проявлять неуважения к докладчику.

– Скажите, вы вообще понимаете, о чем говорите? – голос сверху выдерживал снисходительные нотки, но явственно слышалось неприятие и даже презрение к человеку, посмевавшему судить о самой сути вещей. – Если мы правильно поняли, вы пытаетесь нам втолковать, что Единое инфополе находится только у нас в головах и мм... Как вы говорите?

Мы можем создать в своей голове лестницу и потом по ней подняться на верхний этаж. И этаж создать тоже?

– Молодой человек, я понимаю, вам не может быть стыдно за то, что вы отняли столь необходимое университету время у ответственных людей. Это в силу вашего возраста. Но я надеюсь, глубокоуважаемая комиссия поняла всю несостоятельность этого ммм... проекта, – другой говоривший с середины амфитеатра посмотрел на первые ряды. – Университет – это вам не балаган и он не может тратить необходимый для всей Скопы ресурс на сомнительный проект. – Заметив, что проректор чуть повернулась назад, продолжил с нажимом. – Мне кажется, вы очень вовремя рассмешили комиссию и теперь...

– Теперь мы продолжим обсуждение, – проректор обернулась к говорившему, попутно кивая стушевавшемуся Гарику. – Говорите, молодой человек. По этому проекту есть различные мнения, это не должно вас смущать.

– Сейчас идет обсуждение только состоятельности проекта, – в разговор вступил инженер инфосетей. – Но мы уже провели необходимые тесты и у нас трехпроцентный М-сдвиг, – улыбнулся Гарику. – Это прекрасный результат. Скажите, а как вы догадались о таких возможностях квантоума? Ведь вы не ученый.

– Ну... я играл и во время... – Сверху снова раздался смех, но Гарик справился. – Понимаете, виртуальный мир дает возможности создавать происходящее, и я подумал, что

мысли тоже виртуальны, а потом...

– Значит, мы обсуждаем возможности простой игровой стрелялки? – голос сверху зазвучал еще язвительнее. – С элементами стратегии?

– Дайте ему договорить.

– Послушайте. На моем отделении университета был курс по нейронной теории. А сейчас я, по сути, говорю о так называемом законе динамической поляризации нервной системы. Конкретно о свойстве полей нейронов и полей энергии макроэргических соединений, таких как АТФ. Еще конкретнее – о только недавно открытых свойствах, называемых полями нереальности.

Голоса стихли, проректор внимательно посмотрела на Гарика, тот почувствовал себя увереннее.

– Мне было бы очень интересно проверить ваш уровень знаний, – старший преподаватель отделения теории Единого инфополя смотрел с интересом. – Не мог предположить в вас тягу к изучению столь сложных процессов. Простите, что перебил.

– Да я больше в теории, – Гарик чуть снова не начал смущаться. – И еще я торсионкой занимался. А еще у нас курс по Центрам связи Ливита был, точнее практика в инфосети. Ну я и проверил некоторые идеи. Так вот эти поля, если Сеть дает достаточно мощности, способны легко создавать, точнее моделировать, точки, в которых происходит материализация объекта. Это я сначала так решил, а потом понял, что

это не материализация, а просто виртуальное перемещение к уже имеющемуся объекту посредством Единого инфополя.

Смешливый шепоток стих, в аудитории повисла гробовая тишина.

– Вы ээ... молодой человек, имеете в виду, что возможно просто представить, где находится что-то, – и Единое инфополе покажет к этому дорогу? Я вас правильно понял? Виртуально? Но ведь Единое инфополе так не работает.

– Дорогу – виртуально, но если ее пройти, искомый объект будет более чем материален. Но он будет находиться сразу во многих мерностях, и тут есть свои сложности. А инфополе так не работает, вы правы, но есть одно исключение – это те самые поля нереальности. Они ээ... как бы обманывают инфополе, закладывают в него несуществующий в реальности объект. А сектора нашего энергоряда, находясь в полях нереальности, воспринимают данные инфополя как игровой, несуществующий объект, тем не менее являющимся реальностью.

– Обмануть Единое инфополе – это немного самонадеянно с вашей стороны. Но вот мерности. Вы имеете в виду наложение мерностей?

– Ага, – Гарик позволил себе улыбнуться, – это как в виртуальных игрушках, знаете, такие, где игрок свой мир создает внутри другого? Вот как раз на таких и проще всего проверить проявление полей нереальности. Я тогда первую программу и написал. Это еще на старом квантоуме музиума.

– Вот как, – инженер инфосетей университета раздумчиво покачивал головой. – Логически предположить, что вы просто разобрали инфокапсулу?

– Я... – Гарик чуть не начал моргать глазами, изображая невинность, как перед Альбертом Геворковичем, но вовремя спохватился. – Я только немного начинку...

– Он что, уже проверял перенос дубль-энергоряда со своими настройками? – проректор посмотрела недоуменно на членов комиссии и совсем неласково на Гарика. – Ты хоть понимаешь, как это опасно?

– Не волнуйтесь, Тара Световна, я уже проверил данные биорегена капсулы, – инженер вывел на экран схему и алгоритмы гарикиных мудрствований. – С ним все в порядке. Игорь Ианович, ты что и личную инфоауру перенастроил?

– Ну да. Я в основном с инфоауры и работал. Только там мощности не те, – довольный вид Гарика никак не соответствовал раскаянью, звучащему в голосе.

– Мне кажется, нужно поработать с вашим первым алгоритмом. Мне представляется, что, отгалкиваясь от исходного, мы еще больше повысим производительность, – оба усаые, инженер и старший преподаватель, задействовали инфоауры, на главном экране аудитории быстро бежали строчки данных. Тишина в зале ощущалась все явственнее, время растянулось.

– Значит, мы можем смоделировать тот самый потерявшийся блок квантоума, в каком бы сегменте галактики он ни

находился в данный момент времени и вычислить дорогу к нему, реальному? – Тара Световна снова активировала инфоауру. – Внимание! – Амфитеатр мягких кресел повернулся к ней, головы в них сидящих людей покрылись матовыми полусферами инфоаур. – Здесь у всех есть доступ в приемник Центра Связи. Предлагаю дальнейшее обсудить с Ливитом. Все доступные данные по этому проекту поступают вам непосредственно. – Игорь Ианович! – Гарик оторвался от созерцания главного экрана. – Через десять минут у вас будет допуск, пока только в приемник, готовьтесь.

Инфоаура вокруг головы Тары Световны потемнела еще сильнее.

«Вот это да!» – Гарик чуть не задохнулся от избытка чувств. Ему могут дать допуск в сам Центр Связи! Наверное, и с Ливитом можно будет поговорить! С энергетической субстанцией, живым банком данных, самой известной в Скопе внеземной сущностью Гарик общался только раз еще на первом курсе университета по общей программе ознакомления. Второй раз такое удается редко кому, это тебе не три квазара. Только сейчас Гарик сообразил, что предварительное голосование по проекту уже прошло, его работа принята, и теперь с интересом разглядывал людей под матовыми полусферами, чьи сознания были где-то далеко от этой маленькой студенческой аудитории.

Утро как-то не заладилось. Точнее, не заладилось еще с ночи, когда Альберт Геворкович от бессонницы залез на общественные каналы инфосети. Поменяв несколько виртуальных пространств, он попал на шоу голосов, где новые звезды открывали свои таланты. Пели хорошо, исполнитель сам выбирал пространство, куда погрузить слушателя в зависимости от его предпочтений, и Альберт Геворкович увлекся. И естественно, переживая за понравившегося исполнителя, не спал до утра, ожидая результатов конкурса. И отдохнуть не отдохнул, и выиграла конкурс какая-то слюнявая девчонка в платье из дождевых струй. Тьфу, левый протуберанец! Биореген, конечно, восстановил потраченные ресурсы организма, но ментальная усталость осталась.

Встал Альберт Геворкович поздно, естественно, проспав сам себе установленные часы пробуждения. Потом сломался синтез-комбайн, одежда в гардеробе оказалась влажной после обработки, и, голодный и не выспавшийся, да еще и мокрый-помятый, главный оператор гало-музиума натянул наружный «скаф» и поехал на работу. И – кто бы сомневался! – полоса невезения продолжилась.

На полпути его одноместный глисс попал в пробку, что было более чем странным. Впереди несколько трасс, вьющихся среди нагромождений построек мегакампусов, оказались перекрыты, и полностью забиты транспортом, наверное, из-за какой-то аварии. Только вот аварию таких масшта-

бов Альберт Геворкович представить не мог. Потом странности продолжились. Отказала личная аура инфопотока, аура не передавала не то что картинку, а даже данные личного «скафа» прочитывать было невозможно, так же и на личный браслет не приходили никакие новости. Хорошо, что запруженные мобилями, глиссами и тяжелыми челноками трассы быстро рассасывались с помощью дорожной полиции.

Перед начавшим клевать носом главным оператором мюзема возник дрон-полицейский. Попросив разрешение, развернул глосс старика и направил его по узкому коридору в боковое ответвление. Там Альберт Геворкович сам взял управление, но выпутаться из перекрещивающихся трасс и нагромождений строений – все-таки почти центр главного кампуса, сразу не получилось. В конце концов пришлось пролететь через какой-то строящийся комплекс, еще пару минут потерять, проходя под аркой мерцающего огоньками сканера. Наконец его пропустили, и почти обессиленный старик вырвался в полупустой воздушный коридор, с облегчением активировав автопилот. Отсюда до места работы было еще минут десять лету.

С трудом вместив глосс на пустое место заполненной парковочной ветки, старик направился к зданию. Инфоаура не работала, браслет тоже, но сквозь обзорный щиток скафандра был виден посветлевший оттенок защитных куполов – судя по всему было уже обеденное время. Народу перед зданием оказалось порядочно, и приходилось буквально про-

бираться сквозь толпу. Пройдя шлюзование, старик, наконец-то попал в вестибюль родного музума и, стянув маску, направился к сидевшей за стойкой девушке-координатору. Та как всегда улыбалась, но глаза смотрели немного насто-роженно на осунувшееся лицо Альберта Геворковича.

– Здравствуйте, Эточка. Я немного опоздал, у вас все в порядке?

– Все хорошо, Альберт Геворкович. Видели, что на улице творится?

– Ага. Странно.

– Кто-то пустил слух по инфосетям, что в гало-музееме тестируют новые инфоауры для просмотра экспонатов. И что эти ауры на порядок лучше всех других. Новые пространства, возможности и так далее. В общем, чья-то глупая шутка.

– Понятно. Ну, хоть, может, посетителей в музееме прибавится. Сообщений мне не было? У меня инфоаура отказала.

– Как это? Она что, сломалась?

– Не знаю. Так сообщений...

– Не было, Альберт Геворкович. Все сотрудники на местах, справляемся.

– Хорошо. Я тогда пойду в кафетерий, а то поесть я не успел. Да потом инфоауру надо сменить.

– Хорошо, Альберт Геворкович.

Поесть старику не удалось. Он только набрал на под-

нос упаковок с едой и, разместившись за столиком, открыл первую с любимым ароматным рыбным супом, как раздался далекий резкий рвуще-скрипящий звук, переходящий в грохот. Столик покачнулся, суп разлился по поверхности, заляпав упаковки и не снятый «скаф» старика.

Быстро сообразив, что случилось нечто серьезное и именно в его родном музее, Альберт Геворкович бросился из кафетерия в вестибюль. Проскочив мимо ошеломленно замершей у входа Эточки, бросился к мембране телепорта для сотрудников, ведущего в административные помещения – звук, по прикидкам, шел именно оттуда. Попав из мембраны телепорта в знакомый коридор, откуда до дверей личного кабинета оставалось метров двадцать, Альберт Геворкович ошеломленно замер, впав в ступор не хуже Эточки внизу. И было отчего.

В коридоре шел реальный бой между боевым дроном, по смутно знакомым очертаниям, разведдроном пространственных войск Скопы, и непонятной кляксой переливчатого, неопределенного цвета. Клякса, наверное, тоже дрон, просто в камуфляже, испускала сероватые сгустки энергии, неуловимо быстро впечатывающиеся в силовой кокон разведдрона и там взрывающиеся короткими бело-синими вспышками. Разведдрон – серая плоская блямба с двумя короткими манипуляторами по бокам, хаотически перемещался по пространству коридора, стараясь не попадать под удары и отвечал двумя выющимися лазерными хлыстами. Все в

коридоре было разворочено, валялись выбитые двери и куски обшивки стен, просто издырявленных наподобие мягкой губки, висели вывороченные световые ленты и провода. В конце коридора как раз в кабинете Альберта Геворковича рухнул потолок, из двери торчала разрезанная и оплавленная массивная металлическая балка, по всей видимости и издавшая при падении тот самый звук.

Рядом, прошивая мембрану телепорта, ударили несколько сероватых сгустков, и Альберт Геворкович понял, что серая клякса стреляет именно в него, но отреагировать не сумел – у старика просто отказали ноги. Блямба разведдрона сменила позицию, закрывая силовым коконом старика. Интенсивность ударов возросла, но сгустки уже не прошивали пространство в непосредственной близости, и Альберт Геворкович в бессилии опустился на пол. А еще через три секунды скоротечный бой закончился.

Блямба разведдрона вдруг сменила цвет с серого на черный, защитный кокон исчез, но в сторону кляксы ударил поток матового света. Бьющий от нее поток сероватых сгустков сразу исчез, клякса как-то накренилась, потухая, и рухнула на заваленный обломками пол. Разведдрон хлестнул по ней еще раз боевыми лазерами, и Альберт Геворкович впервые в жизни явственно ощутил, что такое тишина. Правда, пришедшая с прекращением боя тишь длилась недолго – запищала запоздавшая система аварийной эвакуации, откуда-то издали донеслись звуки полицейских мобилей.

Вися в пространстве коридора блямба разведдрона развернулась к старику, и на матовой поверхности диска возник оранжевый значок разгерметизации, раздался предупреждающий сигнал опасности, известный каждому со школьной скамьи. Убедившись, что Альберт Геворкович понял и натянул защитную маску, дрон видоизменился, превратившись в вытянутую снаряд-капсулу, защитные оболочки просто свалились на пол. Через полсекунды разведдрон исчез, пробив собой защитный обзорный потолок коридора и уйдя ввысь. Писк аварийной системы сменился на прерывающийся вой, сообщая о разгерметизации помещения. Сидя на полу и подняв голову, старик рассматривал небольшую дыру в потолке, не сомневаясь, что дрон так же легко пробил и внешний купол, уйдя в открытый космос.

* * *

Внештатный сотрудник четвертого отделения контрразведки Скопы Еж Петрович Перри, по словам сослуживцев, звезд с неба не хватал и вообще единственное, что не давало выбросить его с треском со службы, – это знание нейропрограммирования и четкое ориентирование в сетевых пространствах. А то бы место такому индивидууму где-нибудь модератором в сетевом кафе в городских трущобах. Еж Петрович был долговяз, нескладен, неинтересен и незаметен, что было, скорее, плюсом при такой работе. Такой че-

ловек в себе, мало обращающий внимание на окружавший его реальный мир, и как следствие, постоянно попадающий в какие-нибудь глупые ситуации. То на чужом мобиле уедет, то не в тот телепорт попадет и окажется непонятно где, то несвежей едой отравится, а то и чего похуже. Недавно вообще устроил пожар в своем кабинетике – чайку решил подогреть на штатном нейропарализаторе. Это ж надо додуматься! Прислонить кружку с чаем скотчем к панели управления личной сетью, досыпать в воду стимулятор и нейропарализатором туда с близкого расстояния! Выговор-то ему, конечно, впаляли, но раскаянья никто не увидел. Что уж, логику-то идеи человек обосновал и неважно, что идти до кафетерия три шага, времени у него, что бы вы думали, не было!

Сейчас Еж Петрович, уставившись на потухшую панель управления мобилем, куда он сунулся, не деактивировав магнитных перчаток, пытался понять, как такие казусы случаются в его судьбе. Ну не должен человек, занимающийся какой-то важной проблемой, думать о перчатках! И неважно, что мобиль – простой глосс, а скаф – боевой и что даже своевременное предупреждение, настроенное им самим о необходимости отключения режимов, прозвучало. Он его просто не услышал, занятый размышлениями! Придется теперь пешком идти, саморемонт мобилиа тоже, наверное, перегорел.

Выбравшись наружу, Еж Петрович прикрыл давно сломанную дверь гаража и направился к расположенной за со-

седним зданием ветке парковки общественного транспорта. Дошел благополучно, если не считать того, что, активировав на максимум инфопоток личной ауры, – не теряя же время на праздную прогулку – вляпался в незастывший жидкий пластик – тротуар ремонтировали. Выбрав на стоянке одноместный skut-глисс, вовремя вспомнив, почему пошел пешком, проверил деактивацию режимов скафа и наконец-то выбрался на заполненную мобилиями трассу. Включив автопилот, откинулся в кресле. Теперь полчаса можно расслабиться и подумать.

У Ежа Петровича была одна особенность – думать и решать поставленные задачи он полноценно мог только в Сети, погружаясь в виртуальное пространство и, надо сказать, действительно прекрасно в нем ориентируясь. Сейчас перед ним, да и перед всем центром переработки информационных потоков, где почти все сотрудники не были зачислены в штат контрразведки, но прорабатывали огромные, пусть и не столь важные, объемы информации, задача стояла непростая. И поставлена была руководством без особой надежды на успех, даже дополнительных ресурсов сети не выделили, предлагая пользоваться личными инфоаурами и квантоумом центра. Но работа сразу заинтересовала Ежа Петровича, и он занимался ей во все свободное время, к чести сказать, не прекращая работу с другими информационными потоками.

А проблема, которая и привела к необходимости решения поставленной задачи, была поистине глобальна. В системе

образования Скопы намечались реформы, продавливаемые, в основном, частью панлибертэ-элиты, в свою очередь настроенной никем иным, как сепаратистским Корпомарсом, в своей сути являющимся поборником любых революционных настроений и чьей конечной целью ни много ни мало был захват власти в Скопе и, естественно, развал самой Скопы Сознаний. Суть реформы была проста – разрешить использование в школах личных инфоаур с выходом в любое пространство Сети, несмотря на запрет использования таких гаджетов с шестнадцатилетнего возраста. Используя любые возможности и ресурсы, панлибералы и их пособники кричали о нарушении прав человека, об узурпации власти, о полицейском правлении Скопы, пытаясь убедить общественность и настроить недовольных на радикальные меры. Говорили о пользе свобод для развития человека и общества, о более полном образовании человека в виртуальных мирах, о быстрейшем его развитии в достойного гражданина, о научении школьника настоящей полноценной ответственности и даже пользе понимания опасности, поджидающей неподготовленного к этому индивида на виртуальных просторах. Панлиберальная часть элиты, по давней традиции оппозиционная власти, с немалым успехом использовала установки, еще столетия назад заложенные в молодежь, – безразличие к происходящему, так называемый позитивизм революций, глупость, навязанную желанием не признавая своей неучности, нести подсказанную в выборе готовых ответов откоро-

венную чушь и, главное, навязанной мыслью, что только в раннем возрасте человек способен бороться за свои права. Как всегда умалчивая о том, что эти-то установки и создают из людей послушную любой воле инертную массу.

Скрытые, основные по сути, цели и достигаемые результаты были тоже просты. Сепаратисты Корпомарса и местные приверженцы панлибертэ-теории получали огромный людской ресурс для промывания мозгов на самых глубоких, ментальных уровнях. Пусть этот способ и не приводил к одномерности сознания индивидуумов, как, например, пару столетий назад используемая повсеместно система обучения «выбери из данных ответов правильный». Но способ давал возможность учить, настраивать и использовать толпу самым изуверским способом – погружать эволюционно не готовое к такому человеческое сознание в настройки полей, генерируемые самим энергорядом в настраиваемых для этого виртуальных пространствах, когда испуганное и возбужденное глубокое «Я», пусть и получающее от этого удовольствие, не могло оценить адекватно даже самое себя, а не то, куда его ведет изменение окружающего пространства. И происходило такое не просто в нереальном, виртуальном мире, а при задействовании и активации в Сеть самого сознания индивидуумов. Проще говоря, способ давал безграничную власть над самонастройкой любого энергоряда и как следствие – контроль за поведением как отдельных индивидуумов, так и толпы. И бесконтрольное увеличение этой тол-

пы за счет новых adeptов-виртуалов.

Теперь известная в веках опасность приобрела новый оттенок. Многие ощущали, что над самим существованием Скопы Сознаний нависла грозная опасность, но бороться с ней на просторах Сети не представлялось возможным. Да, контрразведка, полиция, общественные организации и отдельные люди замечали и фиксировали очаги опасности, но реагировать на них могли только в реальности, что даже для правоохранительных структур было делом сложным и малопопулярным. Действительно, не придешь же арестовывать посетителей сетевого кафе за их путешествия по виртуальным мирам. Такой вой поднимется, что себе дороже. Как говорится, разбомбить не поможет. А внутри Сети проникнуть внутрь личных настроек индивидуума было невозможно – этому противилась не только суть создания самой Сети и ее функциональность, но и само существование использованной для этой цели теории Единого инфополя Вселенной. В общем куда ни кинь, всюду клин. И контрразведка Скопы использовала единственную возможность повлиять на процесс, – наделив правами модератора своих сотрудников, отправляла их в сетевое пространство.

Перед Ежом Петровичем и другими, так же, как он, занимающимися этой проблемой, стояла задача найти способ выявления скрытых подпрограмм Сети, очагов генерации пространств с особыми настройками полей, позволяющих влиять на виртуалов. И сложность была в том, что такие про-

странства не рекламировали и не навязывали себя – виртуал, используя сетевое пространство, стремясь познать непознанное, подсознательно сам стремился к ним, летя как мотылек на огонь. И естественно, неофициальные модераторы по сути агенты-диверсанты не дремали, используя любую возможность привести виртуала, куда им надо.

Через полчаса реального времени полупогруженный в Сеть Еж Петрович осознал себя сидящим в любимом кресле в своем кабинетике. Как он сюда попал вспоминать не хотелось, происходящее на просторах Сети захватило энергоряд. Помотав головой, незадачливый сотрудник осознал, что он без маски, а рукав боевого скафа – что бы вы подумали!? – порван на локтевом сгибе. Вот пойми, куда тебя занесло, дверь прижало, что ли. Это ж какая дверь, чтоб скаф порвать!

Махнув на мелочи рукой, с ним еще и не то происходило, Еж Петрович быстро просмотрел проделанную квантоумом работу по нескольким запросам, отключил рабочую панель и, отрегулировав поудобнее спинку кресла, снова активировал инфоауру. На сообщение, видимо, разосланное всем сотрудникам, прибыть на еженедельный брифинг через два часа Еж Петрович почти не обратил внимание. Да и что там – привычный нагоняй начальства да призывы к повышению работоспособности выслушивать разве. Только вот странно, ведь очередной брифинг был совсем недавно, надо бы таймер установить. Еж Петрович тронул пару сенсоров на ручке кресла и закрыл глаза. Через доли мига дубль-энергоряд

ушел в Сеть. Человек перестал осознанно существовать в реальном времени-пространстве.

* * *

Маленький ястреб неестественно юрко для этого вида пернатых летел сквозь насыщенный исчезающей изморозью воздух. Густой туман остался позади, сейчас под крылом изредка проскальзывали сине-белые, уходящие в стороны, прорванные ветром, полосы легкой дымки. Было раннее утро. И массивные, и тонкие столбы водопадов в ранней тени еще не вставшего светила, давили на сознание неизбежностью тяжелого падения. По долине тянуло вьюны испаряющейся и мерцающей мельчайшими капельками воды. Мокрый ветер с шумом вылизывал переходящие друг в друга каменные отроги, шелестел еще не проснувшейся листвой, волнами гонял траву на небольших, уже проснувшихся под солнцем лужайках.

С высоты птичьего полета меняющийся мир было видно как на ладони до самых мельчайших деталей. Правда, это произошло не сразу – человеческим глазам нужно было привыкнуть к птичьему взору, но, наконец, когда мозг принял изменения, картинка пошла с небывалым для реальной жизни разрешением. Летать Еж Петрович мог как угодно, хоть задом наперед со скоростью вакуумного монорельса, но вот смотреть и слушать мир, а тем более влиять на него, требо-

вало от виртуала определенной тренировки. И неважно, как часто ты посетил похожее пространство, – энергоряд всегда заново воспринимал необычное для себя состояние.

Мир вокруг создало подсознание, а вот стать птицей уже был осознанный выбор самого Ежа Петровича – такая форма присутствия более всего отвечала поставленной задаче. Внештатный контрразведчик искал зов. В бесконечном до невообразимости пространстве-времени, схлопывающимся в исчезающую точку по желанию любого из не рожденных, живущих или ушедших в небытие существ, в мирах, оставивших только легкий след в Едином инфополе Вселенной или проявившихся только отголоском намерения жизни, контрразведчик искал связующую нить необычных состояний – проявления воли существа. Он знал, что врагам нужно просто открыться, а дальше поведет зов, потому что враги опытни, они знают, чем завлечь не защищенное ничем существо. И ожидания вскоре себя оправдали.

Он облетал над долиной уже второй круг, зорко вглядываясь в проносящиеся внизу скалы, когда мир вокруг неожиданно осветился. Поднялось Солнце, сразу скакнув в полуженит – и скальное зеркало внизу в обрамлении редкой растительности расцветилось красками, казалось, на порядок живее всего остального мира. Это мог быть переход дальше – хорошо замаскированные враги вели свою добычу не сразу к месту, но, стараясь вызнать ее, уже не отпускали. Еж Петрович собрал волю и, не обращая внимание на затрепетавшее

сердце, рванул вниз, сложив крылья, еще увеличил скорость и, казалось, пробил птичьей тушкой скалу. Еще не открыв зажмуренные подсознательно глаза, осознал, что мир вокруг другой.

Скосив выпуклым глазом в сторону, Еж Петрович почувствовал тяжелое раздвоение сознания, впрочем, душа успокоилась сразу, чего не сказать о, казалось, рокочущих водападом внутренних органах. Повалив тяжеленную голову набок, контрразведчик вперился взглядом во выющую под ветром пыль и цокнул копытом. Пока осознание оторопело пыталось принять себя в другом качестве, организм сам позаботился о себе – Еж Петрович склонился к пожухлой траве прерии и клацнул пастью. Вскоре чувство, что рот жрет сам, прошло. Подняв голову, контрразведчик понял, откуда раздвоение сознания – мир впереди заслоняла пустота, но сразу удалось, чуть повернув шею, увидеть мир другим глазом. Увиденное Ежу Петровичу не понравилось.

Рядом стояли и передвигались такие же, как он, Ежи Петровичи, косились лилово-черными глазами, хлестали хвостами по бокам, ветер трепал крашенные белым и красно-оранжевым гривы. Понимание, что на нем сидит такой же, как и на соседях, орущий индеец, отразилось чувством протеста, и контрразведчик неосознанно взбрыкнул. И сразу получил два удара по бокам острыми пятками. Индейцы заорали сильнее, сдергивали и снаряжали луки, украшенными перьями томагавками грозили куда-то влево. Посмотрев

туда, Еж Петрович понял, что впереди не ждет ничего хорошего.

У подножия небольшого холма с редкими соснами кавалерия, вооруженная небольшими пиками и саблями, разлетелась в стороны и невысоко на склоне обозначились четыре короткоствольные пушки довольно зловещего вида. Через секунду по бокам пришлись два удара – и тело само повисло, в сумасшедшем броске обгоняя других лошадей.

Не устающий себе повторять, что этот мир не реален и Еж Петрович находится в своем кресле, ожидая начала брифинга, виртуал вдруг ощутил радость от дикого галопа и неконтролируемую жажду победы над противником. Казалось, осознание раздвинулось всеми осознающими себя существами в этой прерии, и жажда битвы стала бесконтрольной. Несущийся галопом Еж Петрович ощутил поднимающуюся из глубины существа такую ярость к захватчикам поруганной родной земли, что чуть копытами не расколол планету. В следующий миг ярость, подтолкнутая животным страхом, скачком ушла вверх – уши заложило от несущегося от холма воя и грохота. Хрипя и захлебываясь пеной, голова мотнулась в сторону, и тело пошло туда же, молотя копытами землю.

Позвоночник больше не ощущал властного веса – индеец смело картечью, чудом не зацепившей контрразведчика. Тело продолжало бежать, делая полукруг, и вдруг Еж Петрович увидел еще один переход – перед второй волной несущейся

щихся в атаку индейцев пространство окрасилось в какой-то переливчатый красно-бордовый ромб. И сразу контрразведчик почувствовал еще один зов – на этот раз чуть в стороне у обрывающейся вниз к водам реки пыльной прерии. Не желая противиться, чуть прихватив под контроль клокочущую ярость, Еж Петрович поскакал туда.

Там, в ложбинке, выходящей на каменистый берег, стояло несколько десятков островерхих палаток. Горели уже потухающие костры, женщины-индианки спешно разбирали палатки, навьючивали на лошадей скарб, грузили на волокуши. Рядом дети тонкими грозящими криками загоняли в воду табун, переправляя его по мелководью на другую сторону реки. В воздухе ощущалась контролируемая паника и какая-то покорность происходящему.

Проскочив мимо дозорных, ноги сами принесли Ежа Петровича к чуть в стороне горевшему костерку и сидевшей рядом с ним женщине с ребенком на руках. И тут все существо Ежа Петровича замерло, не в силах тронуться с места. Всю тщету происходящего и бессмысленность существования заслонила безразмерная любовь, мягким коконом окутывающая мать с ребенком. На лице женщины покорность судьбе ненужным листиком висела на огромной кроне разрастающегося во все стороны древа мира и спокойствия. Такого понимания и причастности к силе любви Еж Петрович не знал никогда, и появившийся прямо над костерком чуть колеблющийся овал перехода уже не оставлял сомнений в

дальнейших действиях.

Вдруг женщина встала и, поудобнее перехватив ребенка, пошла в сторону, смотря неотрывно куда-то вдаль. Казалось, женщина идет медленно, но через несколько секунд ее удаляющаяся фигурка, мелькнув у далеких холмов, исчезла навсегда. Осознав и почувствовав огромную потерю части своего «Я», Еж Петрович понял, что все, что осталось в нем, – это контролируемая ярость и, с другой стороны, вселенское желание создавать и творить добро безвременно и всюду. Еще через секунду сознание, разгоряченное боем и пораженное значимостью потери, само сделало выбор.

Копыта сами понесли к обрыву, и Еж Петрович просто влетел на отрывшийся простор прерии. Вместе с поднимающейся из глубины существа жаждой драки тело ощутило небывалое чувство голода и контрразведчик на бегу косился на редкие растущие стебельки травы. Не зная, как заставить себя есть, Еж Петрович начал было мучиться нерешенностью проблемы, когда решение пришло само. Нужно просто наклонить голову к земле и приоткрыть рот, а оно само оттуда и укусит! Голод Еж Петрович не утолил, но сознание заполнилось нужностью происходящего.

Готовиться к бою, да и воевать, не пришлось. Скорость бега, взметнувшись до невероятной, метнула сознание в кроваво-бардовый ромб, по пути сбив мощным лошадиным телом закувыркавшуюся вместе с расчетом артиллеристов короткоствольную пушку. И сразу разгоряченное, казалось,

прыгающее мячиком сознание окутала напряженно-давящая тишина, поднимающаяся вверх, от дико зачесавшихся ног до самой макушки.

То, что он человек, точнее, коротконогий мальчуган, пинающий теми самыми ногами, обутыми в поношенные сандалии, комки земли, Еж Петрович осознал сразу. И сразу все существо охватил невероятный стыд и разом разросшаяся до невероятных размеров непокорность перед другими, заставляющая, скорее, умереть, но не признаться другим в охватившем чувстве. Стыд казался настолько всеобъемлющим и важен, что мальчуган никогда не смог бы ни с кем поделиться подаренным судьбой знанием, просто стоял и пинал комки, стараясь сделать лицо как можно бесстрастным.

Теперь Еж Петрович действительно ощутил испытанное ранее раздвоение личности с лошадиной головой. Вжиться в созданную в пространстве личность виртуалу помогли слышимые где-то, смутно знакомые нотки голосов.

– Извиняйся! Извиняйся, я кому говорю! Мы тут с тобой весь день стоять будем? – высокая девушка в пилотке со странным остроугольным шейным платком строго смотрела на Ежа Петровича. – А ну, Галка, покажи-ка ему, как извиняются.

Девчушка в платьице и сандалетах бодро шагнула вперед и, вметнув руку углом над головой, выстрелила нужное слово.

– Ну, салют делать не надо. И вообще еще посмотрим, как

может среди нас находиться такой гордец. А ну говори «извините»!

Чуть подняв голову, Еж Петрович покосился было по лошадиному в сторону, дернул подбородком и сразу понял происходящее. В стороне от окружившей его детворы стоял малец и, разинув улыбающийся рот, держась за голову двумя руками, всем своим видом старался принять участие в столь увлекательно развивающихся событиях. Рядом валялся привязанный к тонкой веревке обломок красноватой застывшей глины.

– Это ж надо догадаться кирпич на шпагат привязать и над головой со свистом! Карусель у них! Кто, значит, успел, тот присел, – девушка старалась прятать рвущийся наружу смех и просто не могла побороть желание заставить ребенка извиниться перед пострадавшим. Ведь мировые устои рухнут, если я этого не увижу! Стоит, наглец, руки в карманы, еще и комья пинает. – А ну извиняйся, наглец, а то мы тебе все байкот устроим!

Окружавшая мальчугана детвора нехотя покивала, кое-кто уже начал расходится.

Чувство стыда стало рассасываться под влиянием интереса к происходящему, но досмотреть постановку виртуал не успел. Прямо перед глазами на фоне обветшалого, наверное, деревянного строения с портретом какого-то старика на фронтоне возникли сразу два портала-перехода. Один – просто матовая поверхность с изломанными краями на фоне

двери в здание. Другой чуть сбоку – знакомый до повседневности образ телепорта в здании контрразведки, которым Ежу Петровичу приходилось пользоваться постоянно. Выбор был ясен с самого начала.

Мальчуган поднял голову, взгляд стал взрослым и неимоверно далеким, жаждущая раскаянья девушка открыла рот и даже отшатнулась, а контрразведчик бодрым шагом прошлепал стоптанными сандалиями к матовой поверхности. Махнул перед дверью рукой и сразу исчез, не успев услышать сзади крик удивления.

* * *

– Послушай, это как минимум безответственно. Здесь опасно останавливаться, и ты об этом прекрасно осведомлен.

Человек в закрытом орбитальном комбезе смотрел на другого, сидящего в соседнем кресле маленькой рубки. Первый, явно командир корабля, не обращая внимания на слова, несколькими движениями пальцев закончил маневр, установил судно в дрейф и, откинувшись в кресле, изучал данные с главного экрана.

– Наши действия не так легко обнаружить, как представляется твоему страху. А я не могу бросить сеанс. Я веду этого человека уже полмесяца и, поверь, никогда не совершаю бессмысленных поступков.

– Тебе виднее, – второй, работая с панелью управления

кораблем, с неудовольствием покосился на возникшую вокруг головы командира инфоауру, – но я буду обязан доложить о твоём недопустимом поведении. Да, я обязан подчиняться тебе, но даже ты не смеешь...

– Лучше помолчи, выскажешься потом. И вообще я уже наслушался твоих брюзжаний. Все, я отключаюсь, на тебе корабль.

– Да уж понятно, что на мне. Обратного вихря!

– И тебе обратного вихря!

Человек в закрытом шлеме замер, матовое стекло обзорника являло отлитую в металле статую. Борт-инженер, он же штурман транспортника, с тоской посмотрел на него, перевел взгляд на экраны и, привычно активировав команду, стал прослушивать окружающее пространство космоса.

* * *

Теперь вокруг стоящего, скорее, просто находящегося в пространстве Ежа Петровича в привычном для многих полувоенном «скафе» неопределенной принадлежности, была только вселенская пустота, сейчас еще более откровенно навещающая бесконечность любого пути клочьями сероватого тумана, занесенного сюда, казалось, совсем из другого виртуального пространства. Вместе с осознанием себя и чувством защищенности, подаренном памятью, контрразведчик ощущал огромную опасность для собственного «Я». Что-то,

в случае, если он будет раскрыт, могло погубить его, и даже больше – Еж Петрович понимал, что это что-то только и ждет его уничтожения, и неважно, будет он покорен перед чужой силой или нет.

– Боец, не боец? А может контрразведчик? Что ж понятно, скучно ляжку тянуть, решил развеяться? – голос звучал, казалось, ниоткуда, только туман вокруг чуть поменял свои вихреватые, ползучие движения. Еж Петрович продолжал рассматривать туман, но поворачиваться в стороны не стал.

– Что молчишь? Вроде непугливый, – из тумана проявился человеческий силуэт в покрытом матовыми точками-кляксами орбитальном комбесе. Приблизившись, остановился напротив.

– Я буду обсуждать снаряжение с пилотом орбитальника или ты тоже комбез на барахолке прикупил? – Еж Петрович решил работать зеркально, имитируя чуть испуганного, но заявляющего о своей бесстрашии, считающего себя прожженным виртуалом собеседника.

– Ну-ну. Злые нуклиды! Да ты просто напуган! Так? Что страшно показалось до меня добираться?

– Ага. А скажи, что бы случилось, пойдешь я в тот переход у стойбища индейцев? – подыгрывать непонятному пилоту орбитальника оказалось несложно, только вот кто кого переигрывает?

– Там ты бы ощутил глупости прожитой жизни. Дорога до меня необходима для полноценного изучения твоего энерго-

ряды. А ты понимаешь, что это мой мир? И я могу делать тут все, что хочу. И если ты мне не понравишься, в реальность ты выйдешь в очень плохом состоянии. Можешь и помереть.

– Понимаю. Ты модератор?

– Модератор. А тебе не хватило собственных миров, и ты решил искать другие? Что, адреналину в жизни не хватает?

– Возможно. Но ведь глупо не изучать другие миры. Зачем же тогда быть виртуалом? Мои миры для меня уже как обрыдлая реальность.

– Понятно. Ну что ж, умник. Я создам для тебя несколько пространств и позволю быть тем, кем ты хочешь, – модератор провел рукой над глазами, как бы вытирая несуществующий пот, и шумно втянул носом воздух. – Это незаконно – подвергать опасности другое существо в созданном тобой мире. Ты знаешь об этом?

– Конечно, я не первый год...

– Выживешь, попадешь в реальность – твое счастье. Ты знаешь правило?

– Да.

– Напомню – попадешь в реальность, подвяжи язык. Развяжешь – пеняй на себя. Виртуальный мир жесток, но реальность может быть ужаснее. И еще. Если в твоём энергоряде присутствуют спецнастройки полей – лучше не рискуй, можешь и не выжить, тут гарантий нет. А если спецнастройки могут быть расценены мной как могущие принести мне вред – тут уж не обессудь, сам понимаешь. И сделать запись

дубль-энергоряда не успеть – ты просто не выйдешь из мной созданного пространства. Скажи, ты хорошо понял меня?

– Конечно, я не первый год...

– Обратного вихря тебе, чудик!

Сознание Ежа Петровича мелькнуло вспышкой озарения и потухло. В туманном пространстве остался только туман и больше ничего.

Глава 2

Орбитальные верфи Лунного городка были не сравнимы по масштабам с планетарными или орбитальными верфями Земли, а уж тем более с верфями Корпомарса, где львиная доля бюджета выделялась на военные разработки и обеспечение армии. Да и специализация небольших Лунных верфей была, скорее, исследовательской направленности, и еще несколько закрытых маскированных объектов – вотчина контрразведки, – занималась созданием и усовершенствованием боевых дронов и разведкораблей. Так сложилось, что в Лунном городке властвовали две структуры, естественно подчиненные центру – контрразведка и университет Скопы. Научники и разведчики всегда находили общий язык, обе структуры были популярны в обществе Скопы, продуктивно работали в административном аппарате и, достигая по сути одной цели сохранения и развития общества скопян, во многих сферах часто не просто пересекались, а продуктивно сотрудничали.

Сейчас была именно та ситуация, когда обе структуры не могли обойтись друг без друга. Воплотить в жизнь проект по поиску когда-то исчезнувшего в следе инверса квантоумного модуля с двумя сознаниями – человеческого и фогги – можно было только, максимально используя ресурсы уни-

верситета с его возможностями в инфосети и контрразведки, имеющей в своей среде нужных людей и способной защитить используемые для этого новые технологии. Что было чуть ли не первостепенной задачей.

Скрывать проект удавалось пару недель, а потом открытость скопьян, ставшая за последние десятилетия уже притчей во языцех, сделала свое дело. И люди, и фогги, та половина населения Скопы, что не мыслила свою жизнь без Сети, очень ревностно относилась к любой информации о новых разработках, расширяющих возможности Сети Сознаний, а это был именно тот случай. Это ж подумать только! – сеть получала возможность быть не просто сетью энергокристаллов, а действительно сетью сознаний! Получалось, что виртуалы могут находить самую реальность в виртуальном мире, являющимся просто дорогой или порталом. Это давало огромные возможности для исследования и познания и реальных, и виртуальных миров, и расширения Сети до бесконечности. Естественно, такая возможность просто всколыхнула скопьян.

Гарик устал напоминать знакомым, что он Гарик, а не Игорь Ианович, и уже не знал, куда спрятаться от бешеной популярности. Популярен стал не только Гарик, но весь университет Скопы, что само по себе открыло дорогу для провокаций со стороны враждебного руководства Корпомарса и для небывалой шпионской деятельности. Сеть – это люди, их сознания, наполненные желаниями и действиями, а вновь

открытые возможности сети – огромный, настоящий в полном смысле слова, ресурс для управления умами скопьян. Не остались в стороне и приверженцы панлибертэ-теории, борцы всяческих свобод, стремящиеся в этой ситуации упрочить свое положение и увеличить влияние в сети. В общем ситуация складывалась непростая, но пути назад не было, и нужно было продолжать начатую работу.

К работе подошли со всей ответственностью, учитывая основное правило контактов в Сети. Выйти в сеть, в созданное тобой иное пространство, инш-пространство, можно было откуда угодно, с любой зарегистрированной инфоауры, но вот полноценно контактировать в сети, создавать полноценные виртуальные пространства, иншмиры, на первый взгляд, мало отличимые от реальности, с живыми, почти реальными персонажами, а уж тем более общаться друг с другом, было возможно, только используя инфокапсулу, и более того, только дрейфуя в открытом космосе, вдали от критического значения гравитации планет или других массивных тел. Почему так – было до конца неясно, теория Единого инфополя пестрела пробелами и созданная Сеть Сознаний работала на малоизученных, точнее просто не поддающихся изучению, принципах. А поскольку для поиска утерянного кристалла нужен был, скорее всего, именно полноценный контакт, трижды секретное устройство по типу инфокапсулы собиралось на корабле для последующего свободного полета в пространстве. Работы шли на орбите Земли, на глав-

ной тяжелой орбитальной верфи. Туда шли материалы, оборудование и десятки сотрудников вплоть до космоэлиты и научных светил Скопы. И искренне делали действительно важную работу, проводили сотни исследований и опытных тестов, на верфь переехала целая команда исследователей свойств Единого инфополя и пространственной диагностики. И скопяне от мала до велика с нетерпением ждали результатов столь массивного научного наступления, желая в большинстве своем не столько обнаружения какого-то непонятного, неизвестно когда потерянного кристалла или усовершенствования технологии поиска и разведки, а именно модернизации Сети.

Никто не догадывался, что главные работы, по-настоящему нацеленные только на результат поиска утерянного квантоума, ведутся на малозаметной дрейфующей по сложной орбите фабрике производства моделей пространственных дронов прошлых лет, уже потерявших свою значимость. Небольшую надлунную фабрику собирались модернизировать, и это послужило прекрасным прикрытием для доставки туда необходимого оборудования и людей. Вообще скопян на фабрике оказалось немного, не по масштабности проекта – два оператора, наладчик и добавившиеся к ним пять человек, один фогги и небольшой объем субстанции Ливита, для удобства помещенного в корпус старого разведдрона. Команда была опытная, сработавшаяся, имеющая возможности и достаточные знания для реализации проекта. Лиш-

них людей тут не было. Единственным новым человеком в команде был Гарик, которого даже не приглашали на работы на главную верфь, считая его игроманом-виртуалом, просто подавшем неплохую идею, но здесь команда оценила его знания и понимала его значимость.

Небольшое ярко освещенное помещение, куда влезли три кресла, проекционный стол и пара стендов с оборудованием, было захламлено, точнее просто забито по углам списанными, плотно закрепленными на консервацию дронами. Здесь наладчик фабрики – маленький верткий старичок, как говорится, с моторчиком, занимался своим кибер-хобби или, как он сам говорил, просто отдыхал, собирая из ненужных, не прошедших контроль дронов, какой-то супер-пупер многофункциональный дрон на вечной тяге. Сейчас легио-увлечения старика были отложены в сторону, а центр помещения занимала странная конструкция, напоминающая два скрепленных ручками зонтика прошлого столетия, закрепленных по бокам тяжелого «орлана». Сейчас скафандр был пуст, но по сетке, покрывающей зонтики, бежали маленькие голубоватые огоньки – странная конструкция тестировалась. Зонтиками силовые полусферы назвал старик, может, видевший такое в музее, а может, и сам когда-то использовавший данное средство от земного дождя. Вообще непрекращающуюся болтовню старика все слушали с удовольствием, понимая это как результат долгого вынужденного молчания, – старик, когда-то потерявший семью, жил в одиночестве на этой фаб-

рике, изредка общаясь только со сменными операторами линии.

– Стеснили мы тебя тут, дед, – инженер сетей Се Донг виновато смотрел на старика, пытающегося запихнуть подальше какое-то разобранное оборудование. – Я говорил, надо было прямо на конвейере работать, там такие же стенды есть.

Заявление не соответствовало действительности, у старика в комнатке оказались усовершенствованные стенды и такому оборудованию могла бы позавидовать любая производственная линия.

– Ничего, ничего, работайте, я же ведь сам пригласил, – старик пыхтел, пытаясь впихнуть невпихуемое. Наконец справившись, повернулся к инженеру. – Заодно проверите, как я стенды перебрал.

Старик, кибернетик-самоучка гордился своими усовершенствованиями.

– Ну, такой модернизации позавидовал бы любой производитель, – второй бортинженер Ларс Гругье с ужасом смотрел на раскуроченные системные блоки стенда, откуда просто вываливалась электроника и шлейфами висели провода. – Донг, надо вот этот чип протестировать. По-моему, ионика не в порядке. – Осторожно вытащил плату в охлаждающей оболочке и заработал с переносной умкой. – Нормально, мощность просто поразительная для такого уровня оборудования.

– Ты давай рассказывай, что там про те мощности, – ра-

ботающий с «орланом» Аркадий, наладчик целевых инфопотоков ги-кристаллов, посмотрел на Донга. – Что там они навывдумывали?

– Ну, идея была неплохая, но ее сразу срубили на корню эти правозащитнички от панлибералов, даже тестить не дали. Еще бы – ведь им только увеличение возможностей сети и нужно, а какой-то кристалл... Ведь сама суть эксперимента – выйти на контакт в реальности, но путем обнаружения объекта в виртуальном пространстве – и, что бы вы думали, с объектом придется контактировать в этом виртуальном пространстве. Но это не так страшно – уж, наверное, всем участникам есть по шестнадцать лет, – наладчик улыбнулся. – Но вот проблема, контакт устанавливается без согласия искомым объектов – как их спросишь-то, если они не найдены. И для контакта их нужно погрузить в наведенное другими модераторами виртуальное пространство, а это уже прямое нарушение закона.

– Они вообще нормальны? – старик оторопело слушал Донга.

– Не знаю, Ларс, пробей вон ту линию, да, внешний контур, только осторожно, настройки не трогай. Так вот, – Донг опять улыбнулся, – не знаю зачем эти правозащитнички это делают, по-моему, просто некий предмет у них не в том месте, но своего они добились – эксперимент на главной верфи остановлен и научное сообщество всерьез ищет другие пути решения. Хорошо хоть то, что поиски никто бросать не

собирается, да и общество завелось – требуют продолжения работ и усовершенствования Сети.

– А мощности? – Гарик, хорошо знакомый по работе с посетителями музея с нравами настоящего времени, слушающая вполуха, надевал внутренний комбез – летать в «орлане» предстояло именно ему.

– Мощности они задействовали колоссальные – связка из трех кристаллов квантоума, по десятку типров каждый, да еще резервные сектора сети. Там у них до сотни модераторов работает. Решили, чем мощнее будет накачанный сектор пространства, тем... В общем кое-где мощность Сети упала, сразу раздались возмущенные вопли общественности, как же, меня в Сети ограничивают, а вон другие делают, что хотят. Подключились общественники и пошло... Теперь эксперимент действительно под вопросом. Я вот только не понимаю, почему они там не догадались, что накачка виртуального пространства не нужна, достаточно мощности среднего квантоума.

– Если бы у них не стояли попутно другие цели, и информация не была бы столь секретна, мы бы с радостью сообщили им, что нет необходимости строить многослойное пространство – ведь так называемые поля нереальности не могут быть в связке, это суть отдельные объекты, – эксперт по безопасному взаимодействию в сети Леонид Викентьевич, совершенно лысый, усатый старик под два метра ростом, наверное, просто устав ждать, когда Гарик влезет в непослуш-

ный нательный комбез, приподнял того на полом и, облегчив таким образом процесс одевания, спокойно стоял и рассматривал пыхтящего музейного работника. – Как только образуется новый слой, а это тысячные доли зептосекунд, старый исчезает, высвобождая место. Поэтому и не важна накачка – все равно связующего пути не получится. По-простому: не важно, какое пространство вокруг тебя, важны предпосылки образования нового пространства в нужном направлении. Это не просто отрыть вход в другое помещение, нужно угадать, как отреагирует дверь на твоё намерение.

– Это опасно? – старик-наладчик с опасением посмотрел на готовящегося к выходу в открытый космос Гарика. Тот, наконец, надел комбез и занялся поясом-оберегателем. Леонид Викентьевич подключил шлейфы пояса к умке и проверял загрузку и работоспособность медблока.

– Опасно. Но ведь в начинке дронов тоже ковыряться опасно, там такие наложения агрессивных полей бывают, – повернулся к наладчику, тот задумчиво покивал. – Главное здесь – спокойствие, рассудительность, самоконтроль и достаточный запас знаний и опыта. Ну и, конечно, соображать быстро. Это не просто агрессивная среда, это виртуальный мир, иншмир, как теперь говорят. И непонимание его известных законов и принципов может дорого обойтись.

– Хорошо и правильно сказано, – четкий голос располагающими добрыми нотками снова чуть не вверг старого наладчика в ступор, но тот справился, искоса поглядывая на

зависший в пространстве помещения знакомый корпус боевого дрона. Ларс и Аркадий, переглянувшись, заулыбались.

– Печально, что многие скопяне просто игнорируют такие советы. Биореген – биорегеном, но полностью восстановить жизненный ресурс организма – задача пока непосильная для современной медицины. Ливит, твой алгоритм готов? – Леонид Викентьевич посмотрел на дрон. – У меня готов, давай сравним с твоим.

– Вот, – стоявшая в стороне среди кучи запчастей умка старого наладчика засветилась, по экрану побежали строчки данных. – Туг...ругь...е, ничего, что я воспользовался твоей умкой? Не хочу мешать работе остальных.

Старик при первом знакомстве, пораженный фактом общения со столь известным и странным существом, тоже скопянином, по сути, являющимся огромным информативным банком нескольких измерений, тогда, чего-то застенчившись, так тихо произнес свое имя, что даже Ливит его почти не услышал.

– Конечно, ничего, пользуйся, – привыкнуть, что ты на полном серьёзе разговариваешь со старым дроном, какие старик разбирал и настраивал годами, было немного сложно. – Зови меня Туг, это по-дружески. Тугругье – это только для начальства, официально, так сказать.

– Хорошо, Туг, мы друзья. А не восполняемый жизненный ресурс организма – даже это полбеды. Леонид Викентьевич, ты послушай, почему я составил такой алгоритм моду-

ляции пространственных миров. Все послушайте, это очень важно. Я даю обобщенный анализ не просто моей субстанции, но субстанции всего объема Ливита, доступного мне в нашей галактике.

– Говори, Ливит, мы внимательно слушаем, – Аркадий отложил с любопытством рассматриваемую созданную стариком киберплату в скан-поле тестера и присел на попавшуюся коробку.

– Необходимо, что бы вы понимали, как на самом деле опасна Сеть Сознаний и насколько важно это понимание, если все получится и мы будем использовать другие ее настройки, никогда ранее не используемые поля нереальности. Это по сути уже другая сеть, хоть и работающая на тех же принципах, что и сегодняшняя. Но сначала я расскажу, что такое сама по себе существующая сеть. Так будет лучше.

– Рассказывай, Ливит, мы всегда относились с большим уважением к твоим знаниям, – Леонид Викентьевич уселся на валяющийся нерабочий дрон и приготовился слушать. Другие тоже оставили работу и расселись, кто где придется.

– Так вот, Сеть создается не только сознанием, основными секторами энергоряда, но и подсознанием скопяи. И подсознание, а это очень важные настройки энергоряда, создает не просто иншмиры, виртуальные миры пространства-времени-сознания, а и саму сеть в этих мирах, как саму основу причастности к упорядочению, залога успешной и неспешной эволюции. Предпосылки повсеместного увлечения Се-

тью просты – безысходность существования, тоска и ограниченность. Это следствие не только короткой жизни биосущества, это непонимание самой сути жизни. Люди не используют в полной мере данные природой возможности, самоконтроль не опирается на главный стержень – осознание себя магическим, энергетическим существом, частью бескрайнего мира, не опирается на осознание ответственности за этот мир пространства-времени.

Не только люди, но и фогги, очень похожие на людей ментально, находят общность только в критических ситуациях – собраться для выживания, беречь свою планету-дом, достичь следующей вехи эволюции. А ведь даже простая паника толпы – естественное проявление общности. Все же остальное время жизни, данное существу природой, скопяне живут своим единственным и неповторимым «Я», и это не просто научение. Это следствие понимания несвободы, чем, кстати, объясняется появление многих религиозных течений древности на Земле и даже у фогги. Существо, в энергоряд которого заложено знание о себе самом, не имеет возможности воспользоваться этим сакральным знанием и всю жизнь рвется к свободе, интерпретируя ее каждое по-своему. Но и свобода требует огромного самоконтроля, иначе это не свобода, это просто путь, и часто выбор пути не твой собственный. Действительно страшно то, что скопяне даже не понимают что такое сеть иншмиров, когда иншмиры созданы подсознанием безответственных существ.

Сеть – это не эволюционный, а революционный инструмент. Опасность не в том, что каждому существу есть доступ к сознанию другого и это существо может продавать другому сладости или управлять им. Опасность в том, что коллективное намерение общности существ заявило о себе, не будучи готовым к такому, не защитив себя даже простым пониманием своего предназначения.

Сеть была бы должна помочь людям пройти с минимальными потерями этот этап эволюции, но результат оказался обратным – люди просто используют любое средство для достижения своих маленьких целей в самими людьми созданных мирах. Сеть, работающая на принципах Единого инфополя, превращается в инструмент для прокачки своего «Я», и в этом опасность для всего сообщества скопян. Единое инфополе – могучий ресурс, мудрый ресурс, и он или отторгнет эти островки личного, часто раздутого важностью «Я» из единого мира или притянет подобное к подобному. Мы можем навлечь на себя то, чего и заслуживаем. Вселенная не прощает одного – она не прощает иллюзий. А порочной тягой к этому и живет сообщество скопян.

– Но что это может быть? Что мы можем навлечь на себя? – Тугругье, единственный из слушателей, смог вымолвить вопросы.

– Известно, Вселенная огромна и непознаваема. Но ведь у людей есть мудрость: о чем будешь думать или чего боишься, то и случится. А это Сеть, и след настроек многих

и многих сознаний уже заявил о себе в Едином инфополе Вселенной.

– Но разве иллюзии так уж порочны? – Ларс задумчиво рассматривал свои руки. – Вот я, например, люблю пометать – и что в этом плохого?

– Да ничего. И сеть неплохой инструмент, только пользоваться ей нужно с полной ответственностью. А мечты – это не иллюзии. Это похожие, но совсем другие настройки энергоряда, совсем другой сектор энергетической сущности. Мечты существа исходят от самого стержня, это формирование намерения. А вот иллюзии подтачивают этот стержень – это отказ от себя и окружающего мира.

– И это легко становится популярным наркотиком?

– Именно так.

* * *

– Докладывайте, Ива Талловна.

Круглый стол ситуационной комнаты засветился одним из секторов, и сидящая высокая женщина, на полголовы выше остальных, продолжила говорить. Главный на брифинге, чье рабочее место выделялось от остальных другим оттенком серого, повел по залу тяжелым взглядом. Тихие разговоры совсем исчезли, над головами людей одна за другой исчезли несколько полусфер инфоаур. Два туманообразных существа, зависшие над полом у круглого стола, перестали

тихо искрить мелкими разрядами и поменяли цвета, выражая уважение и внимание к говорившей.

– Только так и никак иначе. Это его собственные слова, ментальная запись есть у присутствующих. Они не отказываются от координации, но Сопротивление будет принимать решения и действовать само. Мне кажется, они просто решили, что Совет Правителей бросает их на произвол судьбы, более того, агенты сообщают о подготовке Асером Гугли плана по дискредитации связей Совета Правителей с Сопротивлением. На начальной стадии план включает в себя установку более тесных связей с Советом Правителей Скопы, внушительные уступки, например, допуск вещания в сетях Корпомарса и широкое освящение процесса. Скрытый смысл происходящего – дестабилизировать работу Сопротивления, оторвать от них лояльных и сочувствующих, как я уже говорила, прервать связи с остальной Скопой. А результат, как видите, уже достигается.

– Значит, это и послужило предпосылкой той ситуации в гало-музее? – вопрос прозвучал от немного отлетевшего от круглого стола туманообразного фогги. – То есть, нет. – Фогги замерцал интенсивнее. – Ситуация в гало-музее и была следствием этого?

– Да. Это прямой результат новой политики Корпомарса. Дрон Сопротивления просто следил за шпионом Корпомарса, а когда тот проник в музей, намереваясь похитить данные работы ээ... модератора Игоря Ивановича, последовал за

ним. Шпион данные похитил, ну, те, что смог обнаружить, в основном игровые файлы, их потом извлекли из уничтоженного дрона разведки Корпомарса. Ну а дрон Сопротивления, защитив случайного свидетеля поединка, скорее всего, скопировал добытые шпионом данные и покинул место боя до появления полиции. Запись боя изучается специалистами, но уже сейчас ясно, что возможности наших союзников возросли, их дроны прошли неплохую модификацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.